

Пятая Эннеада. Трактат VIII.

О сверхчувственной красоте

6. Нам кажется, что мудрецы Египта руководились или совершенным знанием, или неким природным инстинктивным чутьем в том, что, желая дать мудрое выражение своим представлениям о вещах, не прибегали к буквам, которые входят в состав слов и предложений и указывают на те голосовые звуки, посредством которых те и другие выговариваются, но вместо этого делали как бы статуи, или рисунки (ἰγύλαματα) вещей — чертили иероглифы и имели в святилищах для каждого предмета особый иероглиф, особую символическую эмблему, которая выражала его смысл и значение. Каждый такой иероглиф уже и сам по себе может быть принимаем за образчик знания и мудрости египетских жрецов, но знания и мудрости особого рода, так как тут предмет предстает созерцанию сразу в целостном синтезе всех своих очертаний, не требуя для своего представления ни размышления, ни усилия воли. Но каждый такой эмблематический образ потом раскрывается в целый ряд других эмблем и разных символических знаков, имевших целью обозначить все частные моменты его смысла и значения, и тут же даже рефлексия, соображая причины, почему в образе все расположено так, а не иначе, приводит к невольному удивлению глубине замысла и красоте его выполнения¹. Эта мудрость (египетских жрецов) тем собственно удивительна, что, не будучи сама тождественна с причинами бытия и сущности вещей, однако оказалась способною воспроизводить вещи согласно с этими причинами. Что же из этого следует? А то, что если мир чувственных вещей, как он есть перед нами, прекрасен, хотя для признания его таковым иные требуют строгого доказательства, которое трудно, если не невозможно, то уже прежде всякого исследования, без всякого доказательства следует признать, что мир сверхчувственный, как он есть во всей целостности своей прекрасен.

¹ Тут Плотин под другими образами и символами (εἰδωλον ἐν ἄλλῳ ἐξειληγμένον καὶ λέγον αὐτὸ ἐν διεξόδῳ), объясняющими первые, вероятнее всего понимает письмо иератическое, которое жрецы употребляли в комментариях к тому, что начертано было посредством иероглифов.

Об умопостигаемой красоте

6. Египетские мудрецы — под влиянием ли тщательно взвешенных соображений или же руководимые своего рода инстинктом, — пользовались для передачи своей мудрости не письменными знаками, заменяющими слова и научные положения, а картинами, на которых изображались очертания отдельных предметов. При объяснении этих картин в своих храмах они показывали, что в каждой картине скрыт известный запас знания и мудрости, и при этом не как результат анализа или размышления, а в качестве первоосновы, заключенной в ее глубине. И всякий, кто мог затем понять подобную картину, порожденную всей совокупностью ее внутренней сущности, кто видел, как она, воплощаясь в чуждом ей материале, развертывает все заключенные в ней силы и как все ее развитие проникнуто строгим единством, — тот должен был признать, что здесь перед ним раскрывается мудрость, которая, не постигая оснований своего собственного бытия, тем не менее наделяет бытием свое создание. Вот в чем состоит эта красота, которая вовсе не может или только в очень слабой степени может быть раскрыта путем исследования, а обнаруживается перед познающим ее до всякого исследования и размышления.

Об умной красоте

«Мне известно, что и египетские мудрецы, опираясь ли на точную науку или на [бессознательный] инстинкт (συνφύτω), если хотят обнаружить свою мудрость о том или другом предмете, пользуются не буквенными знаками, выражающими слова и предложения и обозначающими звуки и произносимые суждения, но рисуют [целые] изображения (ἁγάλατα) и напечатлевают для каждого предмета одно специальное изображение в святилищах для того, чтобы показать, что тамошняя мудрость не является дискурсивным мышлением, так что каждое такое изображение является там наукой и мудростью, и именно — в своей субстратной цельности, не в качестве дискурсивного мышления или убеждения. Затем от этой цельной мудрости возникает в ином частичное изображение, уже детализированное (εἰδῶλον ἐξειλμμένον), которое само себя истолковывает дискурсивно и выражает причины, по которым оно было [именно] так [создано, а не иначе], так что возникшее таким образом может [только] удивляться, как прекрасно оно устроено. Тот, кто это понимает, выражает удивление этой мудростью, как она, не зная причин сущности, благодаря которым вещи созданы именно так, доставляет [это] тому, что создается в соответствии с нею. Этот прекрасный способ существования, следовательно, едва ли выясняется из исследования или он даже совсем не выясняется, потому что, если кто производит исследование, то еще до исследования и умозаключения он уже должен наличествовать в том виде.